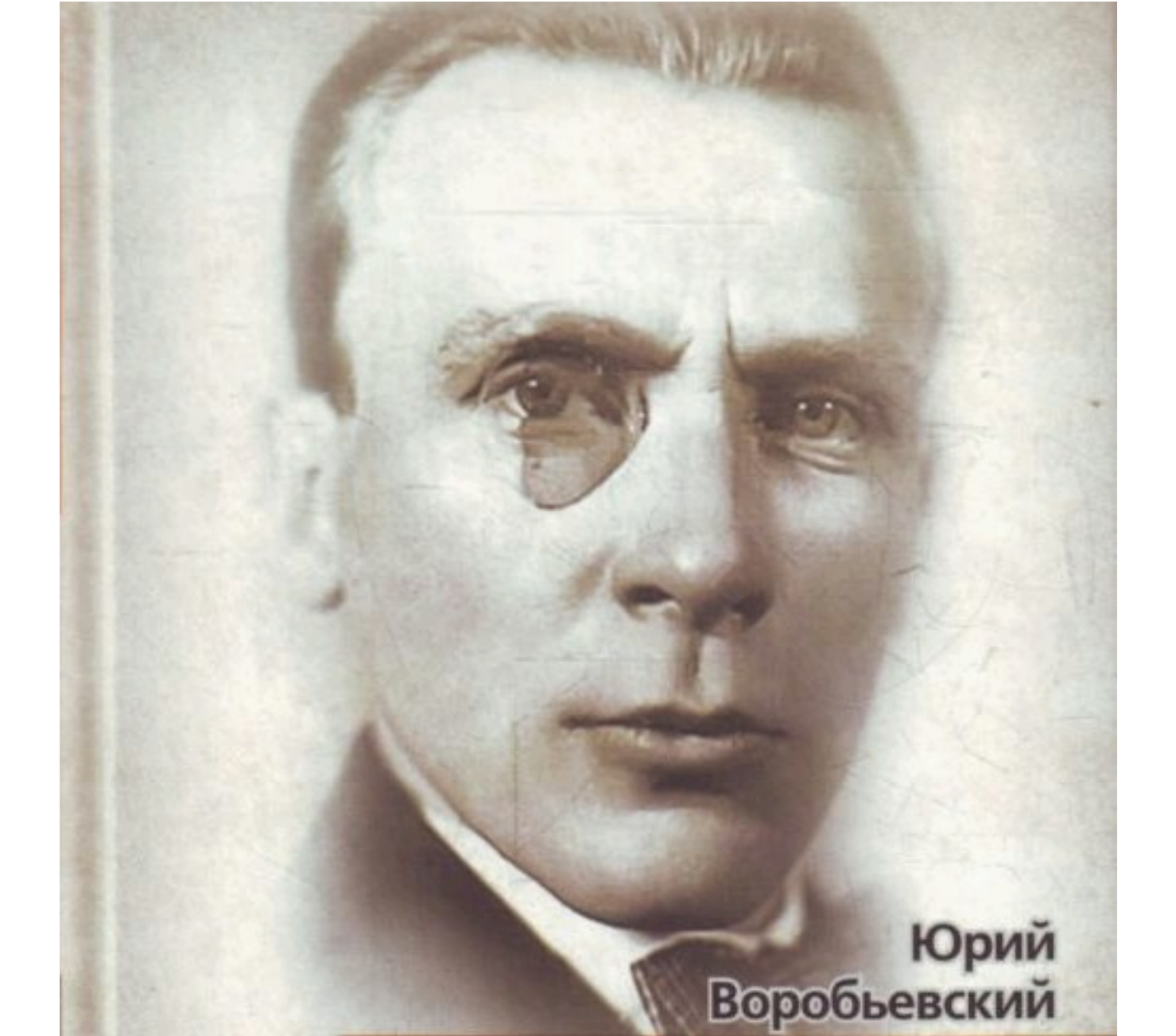

A black and white portrait of a man with short, light-colored hair, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark suit jacket over a white shirt and a dark tie. The background is a plain, light color.

Юрий
Воробьевский

НЕИЗВЕСТНЫЙ
Булгаков
НА СВИДАНИИ С САТАНОЙ

Юрий Воробьевский

**Неизвестный Булгаков.
На свидании с сатаной**

«Алгоритм»

2011

УДК 82-94
ББК 84

Воробьевский Ю. Ю.

Неизвестный Булгаков. На свидании с сатаной /
Ю. Ю. Воробьевский — «Алгоритм», 2011

ISBN 978-5-6994-8880-3

Многих поклонников творчества Михаила Афанасьевича Булгакова волнует вопрос: а случались ли в его собственной жизни сверхъестественные явления, описанные в романе «Мастер и Маргарита»? Книга Юрия Юрьевича Воробьевского посвящена именно малоизвестным мистическим аспектам жизни и творчества М. А. Булгакова. Демонический мир, по мнению автора, выходит на прямой контакт с талантливым человеком (через его членство в «инициатических» обществах или родовые, личные грехи) и наделяет его своими «дарами», которые описаны в психиатрии, как автописьмо или синдром Кандинского-Клерамбо, а в православной традиции называется одержимостью. Так, многие знаменитые произведения искусства (классический пример: Гете и его «Юный Вертер») создали «моду» на самоубийство, прославление зла, демонические культы... Прошел через все это и М. А. Булгаков, считает Воробьевский, исследуя роль мистического в жизни и творчестве писателя.

УДК 82-94
ББК 84

ISBN 978-5-6994-8880-3

© Воробьевский Ю. Ю., 2011

© Алгоритм, 2011

Содержание

Вместо предисловия	7
Об Огненном Змее	8
Смесь дьявола с кровью	9
Посвящение в литературу	10
В магическом круге	12
О мистической экологии	22
Договор подписан кровью	24
Синдром Кандинского	27
Мундштук дьявола	32
Слепые и зрячие	36
Без глаз	38
Врубель: кто там, в сирени?	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юрий Воробьевский Неизвестный Булгаков. На свидании с сатаной

© Воробьевский Ю. Ю., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© ООО «Издательство Эксмо», 2011

* * *

Вместо предисловия

Дело было в 1905-м. Однажды ночью проснулся мальчик. Разбудил сестру: «Знаешь, где я был сейчас? На балу у сатаны!» Звали мальчика Миша. Что за сон такой ему приснился? Откуда он взялся у живого и жизнерадостного ребенка?¹

Да и откуда сатана мог появиться, когда в душе мальчика созревала же мысль: Бога-то нет! Потом, лет через пять она, кажется, созреет окончательно. 3 марта 1910 года его сестра запишет в дневник: «Пахнет рыбой и постным. Мальчики [братья Коля и Ваня] сегодня причащались. Мы говеем, Миша ходит и клянет обычай поститься, говоря, что голоден страшно... он не говееет...» А в конце того же месяца идет такая запись: «...пережила я два интересных спора мамы и Вл. Дм. с Мишей и Иваном Павловичем, при моем косвенном участии... Теперь о религии... Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я – не знаю... – Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где И(ван) П(авлович) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне – разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: «Христос – Бог, по-твоему?» – «Нет!»

В эти страницы дневника, вероятно, в 1940 году вложен листок: «1910 г. Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии – *неверие*. Увлечен Дарвином. Больше всего любил «Фауста» и чаще всего пел «На земле весь род людской».

...Удивительные свойства имеют революционные годы! Как будто индуцируется массовый психоз, и даже люди, не имеющие к событиям никакого отношения, переживают какое-то мистическое вторжение в душу. Характерно, что и во главе революционных событий зачастую становятся люди, психически нездоровые. Параноик «не знает раскола, противоречий, угрызений совести и «проклятых вопросов», отравляющих существование другим. Параноик всегда убежден, что он создан для великих событий» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 170).

В 1905 году психиатрические заведения Санкт-Петербурга и Москвы переполнились как никогда². А в далеком Каире в то самое время, когда на Красной Пресне шла стрельба, некто Алистер Кроули сидел и, не помня себя, записывал за диктовавшим ему голосом: «Делай что хочешь, и в этом главный закон...» Диктовавший назвался демоном Айвазом.

«Делай что хочешь...» Пройдут годы, и балтийская матросня напишет на своих лозунгах несколько иначе: «Анархия – мать порядка». 1917-й год принесет мальчику, «побывавшему на балу у сатаны», новое видение. Случится это в селе Никольском Смоленской губернии. В морфинистском «прозрении» земский врач Михаил Афанасьевич Булгаков увидит огненного змея, сжимающего в смертоносных кольцах женщину. Это видение поразит. Потребует излиться на бумагу. И он возьмется за ручку...

¹ Свт. Игнатий (Брянчанинов) писал на это счет так: «Демон, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. В то время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание к снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас пробудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним». Это многое объясняет, в том числе и в «творческой кухне», мы еще убедимся.

² То же самое произошло, например, во время «оранжевой революции» в Киеве.

Об Огненном Змее

В инфернальном, дьявольском происхождении поразительного видения сомнения нет. Еще в конце XIX века исследователи фольклора отметили этот устойчивый сюжет. Вот, например, Сергей Максимов писал об Огненном Змее, который является «в виде сказочного чудовища – достойного соперника славных и могучих богатырей, «Змея Горыныча», превратившегося в удалого доброго молодца – женского полюбownika. Многие женщины, особенно в местах, живущих отхожими промыслами, передают священникам на исповеди, что их отсутствующие, а часто и умершие мужья являются к ним въяве и спят с ними, т. е. вступают в половое сношение...

Рассказы подобного рода чрезвычайно распространены, причем бросается в глаза удивительное однообразие частных особенностей этого явления и его печальных, нередко трагических, последствий... Самого посетителя сторонними лицами не видно, но в избе слышен его голос: он и на вопросы отвечает, и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его заметны и потому, что возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в тоже время всякая баба, к которой повадился змей, непременно начинает худеть и чахнуть... а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством...» (Русское колдовство. М.-СПб., 2002). Состоящий из адского пламени пришелец ведь не любовью горит, он пышет злобой.

Истории эти – уже не об измене отсутствующему мужу, а об измене Богу. Хотя, конечно, и Огненный Змей может погореть. В юности подобное видение было и преподобной Елене Мантуровой и тогда она, призвав на помощь Пречистую Деву, дала обет безбрачия. Старец Серафим Саровский благословил ее на обручение с Женихом Небесным... Подобные рассказы об Огненном Змее записаны и в наше время, особенно много – со слов вдов после Второй мировой войны.

Огненный Змей... В комнате, где Булгаков жил до 1915 года, на стене была сделана надпись: «Ignis Sanat («огонь излечивает»)) – прямая ассоциация с масонской аббревиатурой INRI. Она означает «огнем природа обновляется» и одновременно пародирует надпись на Голгофском кресте, где латинские слова Iesus Nasareus Rex Iudaeorum складываются все в то же INRI.

Напомним и еще одну важную деталь. «Прозрение» Михаила Афанасьевича было морфинистским.

Смесь дьявола с кровью

Мальчик задыхался. Счет шел на секунды. Трахеотомия, которую сделал доктор Булгаков прошла успешно, но в последний момент его словно кто-то под руку подтолкнул. Скальпель прорезал перчатку, и на пальце выступила капля крови. Как неприятно! Пришлось сделать себе прививку от дифтерита. Вскоре начался зуд и сильные боли. Когда Михаил Афанасьевич больше уже не мог терпеть, ввел себе раствор морфия. Боль как рукой сняло.

Морфий. Шприц с однопроцентным раствором. Укол – чье-то теплое прикосновение к шее – и забыты пугающие вести из больших городов, не слышна тревожная «музыка революции», отступают тоска и одиночество. Потом, в рассказе «Морфий», он напишет: «Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием».

Но дозы становились все больше. Двухпроцентный раствор он назовет потом чертом в склянке. Булгаков осунулся, постарел. Смерть уже стояла на пороге. (Земская Е. Из семейного архива // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988).

Описанный в «Морфии» доктор Поляков – это, конечно, сам автор: «Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать – не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав йодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот: я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И вот она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие сквозь стекло ко мне, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор. Но вот мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью. И никнет Влас на крыльце, и я ненавижу его, а закат, беспокойно громохкая, выжигает мне внутренности. И так несколько раз подряд, в течение вечера, пока я не пойму, что я отравлен. Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно проваливается в бездну, и бывают секунды, когда я мыслю о том, что более доктор Поляков не вернется к жизни...»

Посвящение в литературу

Со слов Татьяны Николаевны, жены Булгакова, записан такой рассказ.

Однажды она с тихой радостью сказала, словно сюрприз преподнесла: «Миша, у нас будет чудесный ребеночек!». Муж помолчал немного, а потом ответил: «В четверг я проведу операцию». Тася плакала, уговаривала, боролась. А Миша все твердил: «Я врач и знаю, какие дети бывают у морфинистов». Таких операций Булгакову делать еще не доводилось (да и кто мог бы обратиться к земскому врачу, лечащему одних крестьян, с подобной просьбой?). Прежде чем натянуть резиновые перчатки, он долго листал медицинский справочник. Операция длилась долго, Тася поняла: что-то пошло не так. «Детей у меня теперь никогда не будет», – тупо подумала она; слез не было, желания жить тоже. Когда все было кончено, Тася услышала характерный звук надламывания ампулы, а затем Миша молча лег на диван и захрапел.

Тому, что произошло дальше, нет другого объяснения, кроме мистического. Тася, атеистка с гимназических времен, вдруг стала молиться: «Господи, если Ты существуешь на небе, сделай так, чтобы этот кошмар закончился! Если нужно, пусть Миша уйдет от меня, лишь бы он излечился! Господи, если Ты есть на небе, соверши чудо!»

Дойдя до 16 кубов в день (четырёхпроцентного раствора морфия!), Михаил вдруг надумал ехать советоваться к знакомому наркологу. Шел ноябрь 1917-го, в Москве пожаром разгоралось восстание. Свистели пули, но Булгаков их не замечал, и вряд ли даже создавал, что в России происходит нечто страшное: он был поглощен своей собственной, частной катастрофой. Что именно сказал тогда коллеге московский доктор – неизвестно, но только с той поездки Михаил Афанасьевич стал понемногу уменьшать ежедневную дозу наркотика.

В этом хаосе морфий продавался уже совсем без рецепта и стоил не дороже хлеба, но Булгаков держался.

– Да, Тася, да, – однажды сказал он, заметив недоверчиво-счастливый взгляд жены. – Начинается отвыкание.

– Миша, я знала, что ты человек достаточно сильный.

Булгаков усмехнулся. Он знал: та стадия морфинизма, которую он переживал еще несколько недель назад, лечению не поддается. Произошло необъяснимое – как будто вмешалась какая-то сила, которая хотела от Булгакова не скорой гибели, а неких великих свершений...

Страсть к наркотику ослабевала. Демона Азазеля, который обучил допотопное человечество «силе корней и трав»³, вытеснило что-то другое. Более сильное. Он писал! Оставлен был не только морфий, заброшена была врачебная практика. Он писал! «Огнем природа обновилась»? До небес дошла молитва любящего человека? Или...

«Происшедшее с доктором Булгаковым было именно посвящением в литературу, совершившимся по всем правилам древних мистерий. Здесь присутствовали все три их составляющие: опыт соприкосновения с иным миром для получения мистического озарения, опыт смерти, умирания и, наконец, возрождение в ином качестве⁴. Морфий «убил» врача

³ См. Синописис свт. Димитрия Ростовского. Кстати, не случайно в знаменитом романе Булгакова именно Азazelло дает Маргарите волшебный крем.

⁴ «Ритуал посвящения включает символическую смерть посвящаемого, который вводится... в особое состояние, подобное анабиозу или летаргическому сну с помощью специальных магических заклинаний, ритуальной музыки и психоактивных веществ. Символическая смерть посвящаемого означает его разрыв с миром людей, для которых он как бы умирает, а значит, перестает быть человеком. В этом состоянии, как считают жрецы, душа покидает тело и совершает путешествие в «астральном» мире, встречается с «богами», получает от них тайные знания и силы, а также заручается поддержкой некоторых конкретных духов». (Игумен Н. Об одном древнем страхе. М., 2007.)

Булгакова и родил – гениального писателя»... (См. статью иеромонаха Нектария (Лымарева) в журнале «Русский дом» № 2 за 2002 год.)

В своей «Автобиографии» (1924 г.) Михаил Афанасьевич описывал все гораздо прозаичнее: «...окончил Университет по медицинскому факультету, получил звание лекаря с отличием. Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал».

Впрочем, намек на мистический поворот судьбы (вполне в стиле «Мастера») мы можем увидеть в «Заметках автобиографического характера», записанных в 1928–1929 гг. другом Булгакова филологом П. С. Поповым. Писатель доверительно сообщал ему: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе». Даже дату точную назвал. Да какую! 15 февраля ведь – Сретение Господне. Рожденный заново, Булгаков сам вошел в храм литературы. Но с кем же он встретился?

«Посвящение» в литературу или в творчество вообще – вещь не уникальная. Уже в середине XX века врач и философ В. фон Вайцеккер «описал случаи, когда идея или философское понятие рождались после физической болезни, как бы занимая ее место, и предложил называть это явление «логофанией»» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 89).

Томас Манн писал, по сути, о том же: «Жизнь не жеманная барышня, и, пожалуй, можно сказать, что творческая, стимулирующая гениальность болезнь, которая преодолевает препятствия, как отважный всадник, скачущий с утеса на утес, – такая болезнь бесконечно дороже для жизни, чем здоровье, которое лениво тащится по прямой дороге, как усталый переход...»

Мистерия... Но ведь мистерия требует жертвы. Была жертва. В жизни Булгакова – была. И какая! Собственный первенец. Чрево супруги стало алтарем, на котором отец собственноручно умертвил младенца. Такие убийства издавна считались знаком отречения от Бога.

В магическом круге

Постойте, постойте! Подобная «мистерия» произошла ведь и с другим гением: «Будучи студентом юридического факультета, Гёте серьезно заболел: болезнь казалась неизлечимой... «Я, – писал об этом Гёте, – был потерпевшим кораблекрушение, и душа моя страдала сильнее, чем тело». Родители препоручают юношу заботам д-ра Иоханна Фридриха Метца, о котором говорят, как о «человеке загадочном [...] настоящем медике розенкрейцеровской традиции, для которого исцеление тела должно привести к исцелению души».

Д-р Метц спасает Гёте и передает его заботам Сюзанны де Клеттенберг, в доме которой собирается кружок пиетистов и оккультистов. Здесь Гёте читает Парацельса, Василия Валентина, Якоба Беме, Джордано Бруно и прочих. Его справочной книгой становится *Aurea Catena*, произведение алхимическое».

Как интересны совпадения в судьбах Булгакова и Гёте! Случайны ли они?

...Вошел изящный кавалер. Он бледен. В бархатном колете и шелковом плаще, со шпагой. На берете колеблется тонкое петушиное перо... Узнали? Да, это он – Мефистофель. Говорят, столь известным его сделал Гёте... «Пьесы, картины, поэмы, романы, оперы, кантаты и фильмы. Начиная с XVI столетия и вплоть до настоящего времени, запечатали они Фауста и его демонического спутника, Мефистофеля. Если включить сюда еще легенду о Дон-Жуане, тесно связанную с историей Фауста, – со всеми ее воплощениями, от моцартовского «Дона Джованни» до «Дон Жуана в аду» Бернарда Шоу, – эту историю можно считать пятисотлетним лейтмотивом западного искусства» [66]. А, может быть, наоборот? Может быть, это великий классик стал таковым благодаря демону?

Полноте! Что за парадокс? Как может литературный персонаж прославить автора?

Итак, вошел изящный кавалер... Но почему так пахнет псиной? Ах, только что здесь был черный пудель! Откуда он взялся? Куда делся?

Гёте: кто там за левым плечом?

Гёте странным образом «путал» божественное и демоническое: «Всякое творчество высшего порядка, всякий значительный замысел, всякая великая мысль, приносящая плоды и не пропадаящая бесследно, не подчинены ничьей власти и стоят выше всякой земной силы; человек должен считать все это неожиданными дарами, проявлениями Божества, которые он должен принимать и почитать с радостной благодарностью. Все это родственно той демонической силе, которая по своему произволу распоряжается человеком... В подобных случаях на человека часто надо смотреть как на орудие высшего промысла» [цит. по 82].

Какой же «промысел» заставил создать Фауста и Мефистофеля? Неужели и взаправду «высший»?

Насчет Мастера и Воланда мы еще поговорим, а пока скажем о Фаусте. Вы знаете, главный герой Гёте не выдуман! Мы имеем дело с псевдонимом реального ученого, характерным для гуманистов «Возрождения». По сути, взамен христианских имен они принимали новые, инициатические.

...В романе Булгакова есть такой эпизод с Мастером: он взглянул на иконку с изображением ангела-хранителя и увидел, что ангел отвернулся от него. Да, Мастер ведь и сам отрекся от своего небесного покровителя, отказавшись от имени, данного ему при крещении.

Получившие инициатические имена адепты называли себя «посвященными». Но никогда не уточняли: посвященными – кому. Теперь-то, из биографий, уже ясно: демонам гордости, славы, сластолюбия... Самонадеянный Филипп Аурелий Теофраст фон Гогенгейм величал себя Парацельсом, то есть лучшим, чем знаменитый Цельс. Другой врач, ученик Агриппы, Иоганн из Дюссельдорфа, устрашающе назвался Вирусом, то есть ядом. Охотник до барышень и вина Георг Хельмштеттер взял имя Фауста. По латыни Фаустус – «счастливый». Почему же от этого несчастного Георга, «доктора Джекила», отделился «мистер Хайд»?⁵ Какого же счастья захотел Хельмштеттер?

Человек всегда хочет счастья. Так было, и так будет – и на Западе, и на Востоке.

Каково происхождение русского слова «счастье»? Первоначально это – «хорошая часть, доля». В православном сознании – близко к понятию «причастие». Счастье – быть с Богом.

Фортуна – это «счастье» человека западного мира. Знаете, как изображается этот языческий кумир? Фортуна стоит на шаре (что означает зыбкость удачи), с повязкой на глазах и рогом изобилия. В Древнем Риме ее культ особенно возрос со времени Сервия Туллия, который построил несколько храмов Фортуны. Он был уверен: богиня возлюбила его настолько, что сделала из сына рабыни – царем. В русском фольклоре такой сюжет редок, но известен. Он называется недвусмысленно: «Повесть об убогом человеке, како ево диявол произведе царем»... Фортуна, как видим, может подарить земную власть, славу. «Радости» власти и славы, винопития и блуда сыпятся из ее же рога... Сдается мне, что рог этот позаимствован у дьявола.

Прижизненных, достоверных свидетельств о жизни и смерти Фауста, этого современника Агриппы и Парацельса, предостаточно. Вот некоторые из них, датированные XVI веком⁶.

⁵ См. роман Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

⁶ Цит. по: Махов А. Е. Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. 1998.

Фауст. Гравюра XVII века

Филипп Меланхтон: «Однажды в Нюрнберге ему в самом начале трапезы стало жарко. (Видимо, он уже почувствовал под собой костер.) Он тотчас же встал и заплатил хозяину, что был должен. Только он вышел за дверь, как тут же явились сыщики и спросили, где Фауст».

Богослов Иоганн Гаст, лично встречавшийся с Фаустом: «Злосчастный погиб ужасной смертью, ибо диавол удушил его. Тело его все время лежало в гробу ничком, хотя его пять раз поворачивали на спину».

Магическое кольцо и круг Фауста. Даны по его описаниям.

Богослов Иоганн Вир: «Его нашли мертвым в одной деревне Вюртембергского княжества, лежащим около постели со свернутой головой. Говорят, что накануне в полночь дом тот вдруг зашатался».

Профессор Гейдельбергского университета (в нем учился Хельмштеттер) Августин Лерхеймер: «Тот же дух вскоре безжалостно умертвил его, прослужив ему перед этим двадцать четыре года».

Сам Фауст описал, как впервые вызвал духа. Не начертив охранительного круга, начинающий маг оказался полностью во власти пришельца... Он и взаправду был в магическом круге предрассудков, характерных для ученого немца. Порядок, «методология», думал он, важнее всего и в оккультизме. «Великий маг» так и не понял, в чем ошибка. Проявив волю к

общению со злом, спастись от него нельзя никакими кругами. Впрочем, что-то Фауст подозревал еще задолго до своей страшной смерти.

«Хотя черный маг во время подписания акта со стихийным демоном может быть полностью убежден в своей силе и способности контролировать бесконечные силы, которые ему даются в распоряжение, часто мага очень быстро обманывают. Пройдет немного лет, а он уже будет устремлять все свои усилия на самосохранение. Мир ужаса, в который он себя вверг из-за своей жадности, приближается каждый день, и, наконец, он обнаруживает себя на краю водоворота, ожидая всякий раз, что его поглотит пучина. Боясь умереть... маг совершает преступление за преступлением из стремления продлить свое несчастное земное существование» (цит. по: Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии». Т. II. Новосибирск, 1992).

Нет, неспроста «счастливчик» заговорил о «несчастном земном существовании» мага. Со знанием дела написано. Со всей психологической убедительностью.

(Характерно, как в Германии в 1932 году решили отметить память Гёте. «Примерно за полтора года до описываемых событий знаменитый английский «охотник за привидениями» Гарри Прайс вдруг объявил, что нашел немецкую рукопись XV века, которая будто бы послужила для Гёте источником сцен ведьмовского шабаша на Брокене. Среди прочего манускрипт содержал описание некромантического ритуала превращения белого козла в юное человеческое создание «непревзойденной красоты». Узнав об открытии Прайса, организаторы мероприятий в ознаменование 100-летия смерти Гёте стали настойчиво приглашать его в Грац, дабы там, вблизи горы Брокен, провести сеанс черной магии. Прайс тянул время, искал благовидные предлоги для отказа. И все же в июле ему пришлось приехать в Грац. Вслед за ним туда съехались из разных стран журналисты, съемочные группы киностудий и энтузиасты паранормальных явлений. Сеанс закончился полным конфузом. Невзирая на замысловатые латинские заклинания, козел не пожелал превращаться. Позор Прайса запечатлели кинодокументалисты Европы и Америки». («Совершенно секретно». № 7, 2003). Каково было разочарование европейцев XX века! Дьявол не явился! Хотя на самом деле он был уже рядом. Близился 1933 год.)

А вот еще эпизод из жизни Фауста: «... францисканскому монаху из Эрфурта доктору Клинге, который «хотел вырвать его из лап дьявола и обратить в истинную веру», он гордо ответил: «У меня есть свое письмо и печать, которые я скрепил собственной кровью. Мне во многом помог черт, он был честен со мной, и я буду честен относительно всего, что я сказал и пообещал черту» [4]. Браво! Честный немец!

Незадачливый заклинатель. Старинная гравюра

В руководстве по магии (написано в 1524 году) Фауст рисует портрет своего «помощника». «Асиель: самый могучий из всех духов, которые поступают на службу людям. Он появляется в приятном человеческом образе примерно трех футов росту. Его нужно заклинать три раза перед тем, как он появится в заранее очерченном для него круге. Он достает богатства и любую вещь из любого края, согласно пожеланиям волшебника. Он быстр, как человеческая мысль». (Вот этот «симпатичный» коротышка и свернул своему подопечному шею.) В легендах о Фаусте (например, изданной в 1587 году народной книге Mephostofiles),

Асиелю было присвоено «говорящее» имя. Его произвели, скорее всего, от еврейского *mephiz* – «разрушитель» и *topfel* – «лжец».

Фауст в магическом круге вызывает Мефистофеля. Из «Трагической истории доктора Фауста» К. Марлоу. 1631 г.

Мефистофель в профессорской шапочке

Итак, Мефистофель – реальный личный демон реального доктора Фауста. Скептический остроумец и не такой уж страшный ночной посетитель. Вот внешность, нарисованная Гёте. Она намного отличается от известных описаний магических инкунабул. Ведь из них можно узнать, что наиболее «приятное» воплощение Асиеля – это маленький лысый человек в черной шапке. А тут – какой щеголь! С пером! Да, не очень привычный для времен Гёте образ демона. (Разве что Панург является у Рабле не просто трехсотлетним, бледным и покрытым шрамами, но и – аристократично-красивым, высоким и элегантным. Важная деталь: Панург («вседелатель») учился в Толедо, важнейшем центре кабалистики). Знаменитый поэт явно приукрасил бесяру. Но самое главное, изобразил его – ни больше, ни меньше – служителем Бога. «Бог не только терпит, но и утверждает злой замысел Мефистофеля. Он даже сознается в некоторой привязанности к Дьяволу. «К таким, как ты, вражды не ведал я»:

Хитрец, среди всех духов отрицанья,
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, – потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!

Да, Гёте как будто выполнил «пиаровскую» акцию. Если предположить, что это так, то ее заказчиком был сам ад. Но тогда поэт имел инфернальные контакты? Гёте, который всю жизнь был «противником всего вулканического»? Который решительно боролся с различными проявлениями демонизма в искусстве? На этот счет Цвейг делает тонкое замечание: «... именно этот озлобленный отпор убедительнее всего доказывает, что для его искусства борьба с демоном была вопросом существования, ибо только тот, кто встретился в жизни с демоном, кто, содрогаясь, заглянул в лицо Медузы, кто испытал эту пытку, лишь тот может ощущать в нем столь опасного врага. По-видимому, в чаще своей юности Гёте пришлось, решая вопрос о жизни и смерти, столкнуться с этой опасностью, – об этом свидетельствуют пророческие образы Вертера, Тассо... – образы, созданием которых он отвратил от себя их судьбу. От этой ужасной встречи у Гёте на всю жизнь осталось озлобленное благоговение и нескрываемый страх перед смертельной силой великого противника. Магическим взором он узнавал кровного врага во всяком образе и воплощении: в музыке Бетховена, в «Пентесилее» Клейста, в трагедиях Шекспира...» С пониманием дела написано.

Если Цвейг прав, понятным становится, почему Гёте переделал трагический финал повести о Фаусте из народных легенд. У писателя ученый прощен и спасен. Так автор успокаивает читателя. Или самого себя?

Томас Манн в подобном сюжете более традиционен. «Манн начал работать над «Доктором Фаустусом» в 1943 году и завершил его через два года после войны, в 1947-м. Главный герой, Адриан Леверкюн, – не только Фауст, его прообразами также являются Лютер, Ницше, Вагнер и вся Германия, в особенности, Германия после 1918 года. Ужаснувшись разрушению европейской цивилизации и окончательному ее краху в Германии, Манн отринул гётевский оптимизм, вернувшись к пессимизму первоначальной книги о Фаусте, где ученый был проклят. Приговорив Фауста, Манн вынес приговор всему западному обществу XX столетия с его фаустовским порывом» [66].

Случайно ли и у Булгакова Воланд, этот новый Асиель, появился? Казалось бы, совсем не вовремя. Не то время на дворе. Да и в прозе – социалистический реализм... Впрочем, Воланд, надо признаться, весьма реалистичен. Как будто личного знакомого описал Михаил Афанасьевич. А что, может быть, они и были знакомы?

О мистической экологии

О, в жизни человека бывают такие случаи и встречи, что и не знаешь, как к ним относиться. Что такое, например, полет на бал сатаны или на Лысую гору – разве не полет фантазии? Впрочем...

«В деревне Терebeneво (Жиздринского уезда, Калужск. губернии) семилетняя девочка Саша говорила матери, что она с теткой Марьей, у которой жила в няньках, каждую ночь летала на лысую гору.

– Когда все заснут, погасят огни, тетка Марья прилетит сорокой и застрекочет. Я выскочу, а она бросит мне сорочью шкуру, надену я ее – и полетим. На горе скинем шкуры, разложим костры, варим зелье, чтобы людей поить. Слетается баб много: и старых, и молодых...

То же самое Саша рассказала отцу... Думал, думал отец и надумал сводить свою дочку в церковь, исповедовать ее, причастить. Да не возьмется ли священник отчитать ее?!

От исповеди, однако, девочка сама отказалась:

– Ведьмы не молятся и не исповедуются!

И в церкви повернулась к иконостасу спиной. Священник отчитывать отказался и посоветовал девчонку хорошенько выпороть.

– Какой сорокой она скидывалась, куда летала? И ты, дурак, веришь болтовне ребенка?

В волости жалобщику поверили и Марью признали за колдунью. Порылся писарь в законах и оповестил:

– Нет, брат, против черта ничего не поделаешь: никакой статьи против его я не подыскал» [70].

Да, и прежде, и в наши дни: никакой юридической управы на дьявола не сыщешь. Вроде как и нет его. А он – вот он! Нарядился этнографически-фольклорным персонажем и посмеивается.

В конце XIX – начале XX веков сюжет договора с дьяволом зафиксировали многочисленные записи этнографов – П. Минорского, А. Колчина, С. Гуляева, П. Богатырева и других. Да мало ли еще не известных бывальщин о колдунах отложилось в архивах Русского географического общества! Эти свидетельства ждут вдумчивого исследователя, но, конечно, православного, имеющего благословение на сей опасный труд. Невоцерковленный ученый может легко «облучиться» от материала, внутреннего смысла которого он не понимает. Профессор-материалист ведь в этих вопросах – полный неуч. Меж тем Ивашка Волошанинов (дело 1677 года), давая списывать Мишке Свашевскому текст присушки, включающей отречение от Бога, говорил, «чтоб он, Мишка, тех писем не много чел, а буди стане честь много, и к нему найдет нечистых духов много, и от них де ему отговоритца не сумеет».

Неправославный публикатор «этнографического материала» и вообще опасен для общества. Он может распространить эпидемию тысячами тиражами. Вот академик Н. И. Толстой подчеркивает важность классификации заговоров и заклинаний: «Результаты эти... могут быть использованы в качестве исходного материала для последующих операций – для внутренней реконструкции славянской духовной культуры» [85]. Реконструкция колдовства? Но это ведь возобновление разговора с бесами! Понимает это академик или нет? Рано или поздно, завершив «реконструкцию», пытливый исследователь захочет применить заклинание на практике. А желание, проявление свободной воли, направленной в ад (даже по незнанию), – как раз то, что и нужно рогатому. Придет ведь! Не боится ли академик, что и сам «отговоритца не сумеет»?!

Есть о чем задуматься, есть. Бабушки и шаманы ведь, давая интервью исследователю, в обычном состоянии даже воспроизвести всю жизнь повторяемые тексты не могут, только

в трансе. Это ни о чем не говорит этнографу? Не задумывается ли он, выискивая передаваемые из поколения в поколение тексты, откуда взялся самый первый из них? И не удивляется ли, когда новые абракадабры рождаются у него на глазах? Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... И – «арип» (аминь на тарабарщине).

Вот современный ученый записывает за женщиной-шаманом: «Я получаю какое-то сообщение, то есть я пишу на бумаге иероглифы, а потом сама для себя их прочитываю – то есть я... сама для себя знаю, что там написано.

– Пишите Вы это в особом состоянии, когда рука как бы произвольно делает это сама?

– Да, рука произвольно пишет...» [85].

Это не просто загадочный феномен. Это нечто, имеющее к нашей теме самое прямое отношение. Впрочем, к столь важной для «свободного творчества» теме мы еще вернемся.

Договор подписан кровью

Предваряя разговор о взаимоотношениях Воланда и Мастера, а также Булгакова и кого-то нам неизвестного (может быть, и с петушиным пером!), обратимся к исторической аналогии.

Был некий священник Теофил из малоазийского города Адана. Когда ему предложили епископство, он благочестиво отказался. А новый епископ обрушил на него несправедливые гонения. Теофил поклялся отомстить. Он обратился к еврейскому магу, который ночью привел его в пустынное место. Там священник обнаружил дьявола со свитой. Теофил произнес клятву верности сатане, отрекся от Бога, подписал договор и поцеловал владельца ада в знак верности. Былое влияние возвратилось к нему, он проводил время в роскоши. Однако пришел час расплаты. Дьявол послал за ним демонов. Теофил раскаялся и просил помощи у Богородицы. Пречистая спасла несчастного клирика.

Сия история – одна из первых в христианской литературе, повествующих о договоре с дьяволом. Она была зафиксирована Евтихианом в VII веке. (Хотя еще раньше блаженный Августин писал о магии и астрологии как проявлении «губительной общности между человеком и демонами», как о договорах неверной и коварной дружбы.) С тех пор пакт смерти подписывали сонмы несчастных. Вот текст одной такой inferнальной сделки: «Темнозрчному адских пропастей начальнику и служителем его демоном вручаю душу и тело мое, ежели по моему требованию чините мне споможение будут. Кровию своею подписался Иван Робота». Было это в 1749 году.

В разные века с такими договорщиками поступали согласно духу времени. Сжигали на кострах, объявляли психически больными или жертвами «объективных социальных процессов». Потом усилиями литераторов и кинематографистов эта тема и закрепилась в сознании как мифическая. Однако...

В конце 80-х знакомый мне игумен был настоятелем крупного провинциального монастыря. И в те годы, когда страна являлась еще практически атеистической равниной, он трижды столкнулся с реальностью того, что кажется многим всего лишь плодом писательской фантазии или средневекового религиозного фанатизма. Он столкнулся с реальностью договора с дьяволом.

...Сорокалетний партийный работник оказался в монастыре, конечно, впервые в жизни. Его била крупная дрожь, и он едва способен был рассказать то, что с ним произошло. Суть сводилась к следующему.

Его папа был генералом НКВД, любимцем Хрущева. Он умер, когда сын заканчивал школу. Вскоре к нему, комсомольцу и активисту, явился некто и предложил подписать договор. Взамен пообещал: все, что хочешь, в жизни у тебя будет.

И теперь он явился снова: «Ну, мы свой договор выполнили. Теперь выполняй ты. Вот папино ружье на стене. Снимаешь носок, дуло вставляешь в рот и пальцем ноги нажимаешь на курок. Боли не успеешь почувствовать».

– Да мне же всего сорок лет! Я еще жить хочу! Почему именно сейчас?!

Пришелец грустно объясняет, как непонятливому ученику: «Мы тебе все уже дали. Ничего нового в жизни не будет. Ну, очередная попойка на партийной даче, очередная женщина. Будет изменяться только количество... Не бойся».

– Нет, нет! Ни за что!

– Ну смотри, хуже будет!

Партработник согласился исповедоваться, стал жертвовать деньги храмам, но раз от разу приходил во все более жутком виде. Оказалось, что каждый день некие прилично одетые «люди» встречают его и избивают жесточайшим образом. Лицо несчастного преврати-

лось в сплошной синяк с желтыми подтеками под глазами. Однажды священник даже не узнал в этом существе еще недавно вполне respectable функционера.

А тот, содрогаясь от воспоминаний, поведал об очередном предложении ада.

Он проснулся ночью, почувствовав, что в комнате есть кто-то еще. Ноги, спущенные с кровати, наступили на что-то мягкое. На полу лежал огромный дог. Откуда он взялся в запертой квартире? Вдруг собака подняла голову и произнесла: «Ну, если боишься из ружья, возьми кинжал из папиной коллекции. Острые приставляешь на два сантиметра ниже левого соска, слегка хлопаешь по рукоятке... Будет небольно».

Батюшка отправил его в келью – подготовиться к исповеди.

Вскоре тот в ужасе примчался вновь: «Сейчас он шел мне навстречу по лестнице. Сказал: если не уберешься из монастыря, будет еще хуже». И, словно безумный, бросился куда-то за ворота обители...

Еще один рассказ, выслушанный игуменом. Как-то на дружеской вечеринке один человек, подвыпив, ляпнул: «Надоело все. Эта жизнь, где еле сводишь концы с концами. Если был бы дьявол, продал бы ему душу».

Через несколько дней в дверь его квартиры позвонил прилично одетый мужчина с «дипломатом». Вкрадчиво спросил:

– Вы хотели что-то продать? А я как раз тот, кто может купить...

– Что продать? – не понял хозяин. Он уже подзабыл свой пьяный треп.

– Ну, как же, такого-то числа вы были в гостях у своих друзей?

– Был.

– Там были такие-то и такие-то люди. Помните?

– Да.

– И вы сказали...

Несчастный вспомнил суть разговора и почувствовал, что от ног начинает подниматься холод. А посетитель с мягким напором продолжал: «Вы ведь не верите в дьявола. Чего же вам стоит подписать договор с ним? Вы договариваетесь с тем, в кого не верите, а взамен получаете... – тут он распахнул «дипломат», наполненный невиданными еще тогда в провинции пачками зеленоватых купюр, – миллион долларов. Правда, подписаться надо кровью. Но это все равно что анализ из пальца сдать».

«Я не готов. Мне надо подумать. Это так неожиданно...» – залепетал бедолажный атеист.

Гость закрыл «дипломат»: «Ну, подумайте день-два. Я еще вернусь». И растаял в воздухе. Вместе с деньгами.

А серенький российский интеллигент так и застыл на стуле. Над ним – портрет пьяницы Хемингуэя, гитара в углу, пара полок с литературой, обменянной в свое время на макулатуру. Читал ведь, дурачок, и Гоголя, и Достоевского. Да думал, что бес – это так, фигура речи. А он пришел, как к Ивану Карамазову. Вспомнил?

«– Ты – сон, и ты не существуешь! – в гневе кричит Иван своему посетителю.

– По азарту, с каким ты отвергаешь меня, – засмеялся посетитель, – я убеждаюсь, что ты все-таки в меня веришь.

– Нимало! На сотую долю не верю!

– Но на тысячную веришь. Гомеопатические доли ведь самые, может быть, сильные...

– Оставь меня, ты стучишь в моем мозгу, как неотвязный кошмар, – простонал Иван в бессилии пред своим видением, – мне скучно с тобою, невыносимо и мучительно! Я бы много дал, если бы мог изгнать тебя!»

Поздно! Поздно! Пригласить его проще, чем прогнать.

Судя по сатанизации мира, на договорах с дьяволом скоро будут специализироваться целые юридические фирмы.

...Тот банкир пришел к игумену не очень взволнованным. Изложил все по-деловому. К нему являлся странный посетитель. Прилично одетый, с портфелем. Но как бы... полупрозрачный. Сквозь него было видно. Пришел и заговорил грустным, усталым голосом: «Как ты живешь? Водка, бабы, деньги... Деньги, конечно, нужны, но ради достижения цели. Знаешь, что самое главное в жизни? Власть! А нам нужны люди во власти. Если договоримся, будешь депутатом. Для начала. А там посмотрим».

У банкира было два четких вопроса. Первое: может ли это быть на самом деле? Священник подтвердил. Второе: если я соглашусь, что мне за это будет? Батюшка объяснил. Пришедший вежливо поблагодарил и вышел.

Через неделю стало известно: в банке пропал миллион долларов. Всем было понятно, что это дело рук того самого собеседника батюшки, но доказать подозрения оказалось невозможно. Комбинация была проведена гениально.

Однако депутатом банкир не стал. На такие места, очевидно, нашлись более способные. Кандидаты от партии ада, наверно, даже в очереди стоят. Ждут головокружительного взлета.

Вам известны труднообъяснимые карьерные «взлеты» некоторых «водителей народов», «финансовых гениев» и прочих – «великих и ужасных» Гудвинов? Мне – тоже.

Возвышать своих ставленников – это диавол не сегодня придумал. В сказаниях и мифах многих народов мира «особенность» королей и аристократов вплоть до способности к оборотничеству символизируется их происхождением от змей или драконов. Таково древнерусское предание о Всеславе, князе Полоцком (XI в.), рожденном от огненного змея. «Будучи связанными с драконами гораздо ближе, чем их подданные, императоры Китая так и назывались – «дракон». Пендрагон – титул древних кельтских вождей и первых британских королей, также буквально означал «Главный дракон» или «Голова дракона». Считалось, что в жилах их течет драконья кровь и что драконы состоят у них на службе». Что же, в каком-то смысле так оно и было – тот, кто принимал змея в сердце, возвышался среди людей. И становился жертвой змеиного лукавства.

Не такова ли и природа необычайных артистических карьер? Курт Кобейн, Элис Купер, Джим Моррисон... Карьер писательских?! Взять хоть того же Гёте...

Синдром Кандинского

Да, не только «в чаще своей юности», но и в поздней биографии Гёте есть любопытные эпизоды. Например, по поводу романа «Страдания юного Вертера» сам автор вспоминал: «Так как я написал эту книжку почти бессознательно, точно лунатик, то я сам удивился, прочтя ее» (Г. Гефдинг. Очерки психологии. СПб., 1898). Было, было какое-то раздвоение в Гёте. Он говорил: «Что касается меня, то я, при разнообразных свойствах своего существа, не могу удовлетвориться одним образом мышления». Ему не ведомо было состояние духовной брани, о котором говорит преподобный Силуан Афонский: «Ум с умом борется – наш ум с умом врага». Гёте, похоже, даже гордился своим inferнальным качеством.

Какую-то непонятную помощь и одновременно сопротивление невидимого мира испытывал и Булгаков. В конце сентября 1923 года он записал: «В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленкой какой-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то, во что я так глубоко и по-настоящему проникаю мыслью и чувством».

Кстати, гётевский случай «бессознательного» авторства отнюдь не уникален. В психиатрии известен синдром Кандинского-Клерамбо (эффект психического автоматизма), когда пишущая рука действует независимо от сознания человека.

Русский психиатр Кандинский, будучи подвержен духовному недугу, подробно описал свои специфические состояния. Одно из самых характерных – подчиненность воли влиянию извне.

Не своей волей действуют эти «свободные» и гордые люди. В учебнике «Судебная психиатрия» читаем: «К волевым нарушениям можно отнести импульсивные состояния, характеризующиеся возникновением непреодолимых или трудно преодолимых побуждений к совершению тех или иных действий, без предварительного решения. Принято выделять несколько импульсивных состояний: катонические импульсивные действия чаще всего носят характер бессмысленных, немотивированных, агрессивных и разрушительных актов. Часто больными это переживается как подчинение чужой воле...»

«Как отечественные (В. Х. Кандинский, А. Л. Эпштейн, А. А. Перельман, А. А. Мегрбян, А. В. Снежневский, М. И. Рыбальский), так и зарубежные психиатры (Г. Клерамбо, А. Клод, К. Ясперс, М. Райсфельд, П. Гиро), изучавшие явление психического автоматизма, основным его компонентом считают чувства внешнего влияния, внешнего воздействия посторонней, действующей извне силы» [47]. В свою очередь, Кандинский ссылается на своих научных предшественников, в частности, на Бэлларже, который еще в 1844 году писал: ««Больные здесь не испытывают ничего похожего на слуховые ощущения», но они уверяют, что они беззвучно слышат (иногда с очень больших расстояний), посредством индукции, мысль других лиц, что они могут вести со своими невидимыми собеседниками интеллектуальные разговоры, вступать своей душой в общение с душами этих лиц, слышать идеальные, таинственные или внутренние голоса и т. п. К психическим галлюцинациям Бэлларже причисляет также и те случаи, когда больные слышат голоса, исходящие из их головы...»

Кандинский цитирует одного из пациентов: «Мои собственные мысли идут равномерным ходом; мысли же других входят в мою голову как бы давлением, они насильно вталкиваются в мой мозг... Я должен думать этими мыслями против своей воли, и как бы я ни старался, я не в состоянии от них освободиться, потому что против такого давления нельзя ничего поделать». Впрочем, иногда пациенты рассказывают и о контактах с некими личностями. Вот, например, один «пожилой джентльмен» представительного вида предлагает

больному подняться на церковную колокольню и полюбоваться видом. «Несколько минут мы восторгались прелестной панорамой, представившейся нашему взору; затем мой спутник вынул из кармана инструмент, на котором были выгравированы странные фигуры, видом похожий на компас... Он предложил мне смотреть туда, сказав, что я могу увидеть любого из своих далеких друзей и узнать, что каждый из них в данную минуту делает. Сперва я содрогнулся, но желание увидеть моего больного отца взяло верх над моим страхом. Не успев выразить своего желания словами, я уже увидел в инструменте, как в зеркале, моего отца, отдыхающего, сидя в своем кресле. Факт видения поразил меня ужасом, и я стал приглашать сойти вниз... На прощанье мой странный спутник сказал мне: «Помните, что с этой минуты вы в моей власти»... С этой поры «некромантик» всецело завладел мной; при помощи своего зеркала он видит меня во всякое время и постоянно читает мои мысли» [29].

Нечто подобное описывает и этнография: «Когда на колдуна «накатывает», он сохраняет сознание, но воля его целиком подчиняется нечистой силе. Соппротивление ей может закончиться смертью колдуна. Старик-колдун выдавал замуж внуку. Ему жаль было испортить свадьбу, но не было сил удержаться. Он попросил сноху запереть его в чулан на то время, пока придут за невестой, и выпустить, когда ее увезут. По окончании церемонии сноха целый час не вспомнила о запертом свекре. Когда она отперла чулан, нашла колдуна уже мертвым» [70].

Так что же такое «нечистая сила»? Комплекс психиатрических симптомов? Мифологический рассказ о зле? Или это нечто персонифицированное, что отражается и в поврежденной душе больного, и в этнографических свидетельствах?

Декарт

Получается, немалая часть классической литературы напрямик связана с деятельностью кого-то невидимого! Как назвать его, чтобы не оскорбить сознание современного, отягощенного светским образованием человека? Давайте назовем его безбелковой сущностью. Сокращенно – бес. Договорились о терминах? Тогда продолжим.

О том, что бесноватые, грешники лишены разума и воли, читаем в святоотеческом толковании на 79-е Правило Святых Апостолов: «Бесноватый считается как нечистый, и вместе с сим является подозрение, что если бы демон не нашел этого человека достойным себе жилищем за его злую жизнь, то не вошел бы в него» [62].

А ведь в свое время под «творческое беснование» была подведена философская основа: «Во время своего пребывания с розенкрейцерами Декарт получил типичный опыт гностического озарения. Он говорит, что во сне он внезапно был захвачен Духом Истины, который открыл перед ним сокровищницу всех наук. Там ему была открыта доктрина, являющаяся краеугольным камнем философии, а именно то, что принцип знания надо искать в себе самом, не в рассуждениях философов, а в интуитивном видении поэтов. Идеи человеческого разума совершенны, отделены от всякого объекта... В свете своего гностического оза-

рения Декарт пришел к пониманию, что «наука... должна быть творчеством одного мастера, как... религия является произведением одного Бога». Иными словами, наука должна заменить религию, а Декарт – Бога» [80].

Стефан Цвейг на основе личного опыта и художественного исследования судеб Гёте, Клейста, Ницше, Фрейда пишет о том же самом, подавляющем волю, действии демона: «... он вселяется в людей, не способных своевременно усмирить его, возбуждает в демонических натурах грозное беспокойство, непреодолимой силой вырывает кормило воли из их рук: безвольно скитаются они по бурному морю, гонимые демоном к подводным скалам своей судьбы».

Итак, мозг и воля видимого «автора» подавлены сознанием и волей соавтора незримого. Так начинается «информационный процесс», который Юнг называл диалогом сознания и подсознания. В чем он заключается? С одной стороны, талант человека порождает нечто оригинальное. А с другой – это тут же окрашивается дьявольскими интонациями и акцентами. Бездарный сам по себе, бес служит для автора «базой данных». В ней может оказаться все злобное, произведенное когда-либо грешным человеческим умом. Вот откуда рождаются идеи, которые якобы «никогда никому не приходили в голову». Недаром православная традиция предостерегает от разговоров с «бесом», хотя бы он и начинал говорить справедливые вещи.

Но, если человеком движут не мотивы спасения души, а, например, приобретения земной славы, то он, напротив, цепляется за подсказки демонического мира любой ценой. Вот соучастник печально известного визионера Алистера Кроули по сатанинскому ордену «Голден Доун» ирландский поэт Йеатс. Как писал он сам в предисловии к своему произведению «Видение», поэтические метафоры приходили ему через жену-медиума. В неуправляемую стихию автописьма сознательно нырял и диакон англиканской церкви Чарльз Лютвидж Доджсон. Не знаете такого? Он известен под псевдонимом – Льюис Кэрролл. «Каламбуры, новые изобретения в области словотворчества, новые словосочетания сделали Кэролла экспериментатором в этой области» [4]. Специалисты до сих пор спорят, употреблял ли Кэрролл для погружения в транс какие-то наркотические растения или грибы (на удивительные свойства которых он намекает в «Алисе»). Многие считают, что «чудеса» в стране его грез рождались именно так. Эти химерические видения наркомана и принесли ему славу. Покачиваясь от принятого снадобья, он «вошел в историю литературы».

Иногда в поэзию, литературу или даже науку входят совсем юные гении. Родители умиляются, когда семилетняя девочка, на которую «накатывает» по ночам, начинает вдруг диктовать мастеровитые «любовные» стихи, описывающие впечатления повидавшей виды женщины. А надо не умиляться! Надо спасать ребенка! Пока не поздно. Ибо уже известно: подобные вундеркинды долго не живут. Умирают от болезни или кончают самоубийством практически в детстве или в юношестве.

Известны такие авторы и в герметической традиции. Мудреный текст-шифровка о «химической свадьбе» был написан знаменитым розенкрейцером Валентином Андреэ, когда тому было не более шестнадцати лет. Сам ли он сочинил все это? Или «божественное сознание» постаралось? Этот случай удивителен, но не уникален. Другой корифей оккультизма, родившийся в 1538 году, Иоганн Батиста Порта, закончил свой главный труд «*Magia naturalis*» в 15 лет.

Подобные феномены известны и в музыке. Большую часть своих произведений Вагнер, например, слышал галлюцинативно. Моцарт писал без черновиков. Его ведь не случайно запрещали даже похоронить по-христиански, а бросили в яму с гашеной известью. Надо полагать, источник «вдохновения» был таким же, как у «рок-звезды» Элиса Купера (настоящее имя Винсент Фурнье). В одном из интервью он признался: «Несколько лет назад я посетил сеанс спиритизма, на котором Норманн Бакли умолял «дух» откликнуться. В конце

концов, дух появился и заговорил со мной. Он обещал мне и моей группе славу, власть над миром в рок-музыке и неслыханное богатство. Единственное, что он потребовал от меня, – это отдать ему мое тело»... В результате контакта с сущностью параллельного мира, выдававшим себя за умершую век тому назад ведьму по имени Элис Купер, Винсент Фурнье стал слышать в готовой форме музыку, которую только оставалось записать на нотном листе. Его демонической миссией стала пропаганда всех мыслимых и немыслимых форм извращений. Известен его альбом «Элис Купер идет в ад».

Так трудится муза истории Клио. Сидя на горе Геликон, распределением лавровых венков заведует именно она. Еще древнегреческий миф зафиксировал: оттуда, из нечеловеческого, бесовского мира, приходит земная слава. А если это так, то она – пустота. В святоотеческом толковании на Правила св. Григория Нисского так и сказано: «... человеческая честь, называемая славою, есть только мнимая и не имеет ничего действительного, твердого и устойчивого, то есть нечто кажущееся и мечтательное» [62].

Приводя мемуарные записи современников, исследователь Б. Соколов пишет: «... автор «Мастера и Маргариты» недвусмысленно отвергает церковное христианство, загробную жизнь и мистику. Посмертное воздаяние заботит его лишь в виде непреходящей славы». Перед смертью он думал об одном: «Чтобы знали».

Е. С. Булгакова вспоминала и самые последние слова мужа: «Он дал мне понять, что ему что-то нужно, что он чего-то хочет от меня. Я предлагала ему лекарство, питье – лимонный сок, но поняла ясно, что не в этом дело. Тогда я догадалась и спросила: «Твои вещи?» Он кивнул с таким видом, что и «да» и «нет». Я сказала: «Мастер и Маргарита»? Он, страшно обрадованный, сделал мне знак головой, что «да, это». И выдал из себя два слова: «Чтобы знали, чтобы знали». На следующий день были сами похороны. По завещанию писателя хоронили без церковного отпевания, без музыки, с кремацией тела. Ставшая вдовой Е. С. Булгакова записала в специальной тетради «Март 1940 г.»: «У крематория масса машин, очень много мхатовцев, из Большого театра, литературно-артистическая интеллигенция. На гроб возложила цветы О. Л. Книппер-Чехова». Так дневник запечатлел первый проблеск посмертной славы.

Славу, наверно ее, пообещал Михаилу Афанасьевичу его inferнальный визави. И тот старался до последнего. Внесение поправок умирающей писатель делал до 13 февраля 1940 г. – всего лишь за месяц до своей кончины (когда окончательно ослеп), он продолжал диктовать Елене Сергеевне. Правка остановилась на словах Маргариты: «Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?» Скоро эта фраза осуществилась, увы, буквально.

Мундштук дьявола

Воспоминания знакомых о Булгакове, о разговорах с ним, человеком по признанию многих – скрытному, мы сводим к минимуму. Если брать за основу гипотезу, что у Михаила Афанасьевича были собеседники бесплотные, то гораздо интереснее узнать, о чем «белковые сущности» беседуют обычно с писателями. Что предлагают. Как обманывают. Поэтому в книге – целая галерея писателей-визионеров.

Между прочим, знаменитый психиатр И. А. Сикорский написал однажды такие строки: «Снять таинственный покров с великого человека, разгадать загадку его души, выяснить великие совершенного им дела, проникнуть в сокровенные замыслы его художественной мысли... должно сделаться самым настоящим объектом исканий и долгом для современных поколений» (Сикорский И. Психологическое направление художественного творчества Гоголя (Речь в память столетней годовщины Гоголя 10 апреля 1909 г.). Киев: Университет Св. Владимира, 1911. С. 11).

...Очень точное русское слово – «помешанный». Это человек, в голове которого сумбур. А почему он возникает? Потому, что собственные мысли несчастного мешаются с теми, что бубнят ему подселившиеся бесы.

Ницше правильно называл себя лишь мундштуком нечеловеческих сил. Дьявол дунул в свою трубу, и прогремело: «Бог умер!»

Что ж, еще псалмопевец Давид изрек: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог. Расплещи и омерзися в начинаниих: несть творяй благостыню». Свт. Иоанн Златоуст пишет по этому поводу, что безумцем Давид называет не слабоумного, но человека развращенного умом. «В «Веселой науке» (Ницше написал ее в 1882 году. – Ю.В.) есть рассказ о безумце, который мчится на рынок, крича, что Бог умер; когда никто ему не верит, он понимает, что «пришел слишком рано». Гегель и Гейне уже говорили о смерти Бога, но притча Ницше сделала эту идею популярной среди интеллигенции» [66].

Философ страдал беснованием в течение двадцати лет. Этим периодом датируются его основные произведения. Почти все они созданы путем автописма. «Заратустра овладел мною» – так называл он сам свое состояние одержимости. И писал не без нелепой гордости: «Имеет ли кто-нибудь в конце девятнадцатого столетия ясное представление о том, что поэты сильных эпох называли вдохновением? Если нет, то я это опишу. – Действительно, при самом ничтожном остатке суеверия в душе почти невозможно отказаться от представления, что являешься только воплощением, только мундштуком, только посредником сверхмощных сил. Понятие откровения, в том смысле, что внезапно, с невыразимой достоверностью и тонкостью нечто становится видимым, слышимым, нечто такое, что глубоко потрясает и опрокидывает человека, – только описывает факты. Не слушаешь, не ищешь; берешь – и не спрашиваешь, кто дает; будто молния сверкнет мысль, с необходимостью, уже облеченная в форму, – у меня никогда не было выбора. Восторг, неимоверное напряжение которого иногда разрешается потоком слез, восторг, при котором шаг то бурно устремляется вперед, то замедляется; полный экстаз, пребывание вне самого себя, самым отчетливым сознанием бесчисленных тончайших трепетов и увлажнений, охватывающих тело с головы до ног; глубина счастья, в которой самое болезненное и мрачное действует не как противоположность, а как нечто само собой обусловленное, вынужденное, как необходимая краска среди такого избытка света...»

Этого «гения» тоже не смущало элементарное противоречие. С одной стороны: «свобода воли», «сверхчеловек», а с другой – довольно жалкие: «у меня никогда не было выбора», «с необходимостью», «вынужденное»... Мундштук пригоден лишь тогда, когда он полый внутри. Когда полностью подавлена собственная воля.

Стефан Цвейг, певец безумия и самоубийства

«Удивительно, что в этом вихре скоростей вдохновения, в этом безудержном водопаде гремящих мыслей он теряет ровную, твердую почву под ногами, что Ницше, разрываемый всеми демонами духа, уже не знает, кто он; что он, безграничный, уже не видит своих границ? Давно уже вздрагивает его рука (с тех пор как она пишет под диктовку высших сил, а не человеческого разума), подписывая письма именем «Фридрих Ницше»: ничтожный сын наумбургского пастора – подсказывает ему смутное чувство – это уже давно не он, – переживающий невероятное, существо, которому нет еще имени, колосс чувства, новый мученик человечества. И только символическими знаками – «Чудовище», «Распятый», «Антихрист», «Дионис» – подписывает он письма – свои последние послания, – с того мгновения, как он постиг, что он и высшие силы – одно, что он – уже не человек, а сила и миссия... «Я не человек, я динамит». «Я – мировое событие, которое делит историю человечества на две части», – гремит его гордыня, потрясая окружающую его пустоту...» (цит. по: Цвейг С. Казанова. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. М., 1990).

...Когда человек вглядывается в бездну, бездна начинает вглядываться в него. Это уже – что касается Цвейга. Напрасно он так близко и с таким сочувствием подошел к черте безумия. В 1942 году писатель покончил самоубийством вместе со своей женой. Да как! Лежа на германском государственном флаге).

В его истории болезни за 1889 год можно прочесть:

«23 февраля. «В последний раз я был Фридрихом-Вильгельмом IV».

27 апреля. Частые приступы гнева.

18 мая. Довольно часто испускает нечленораздельные крики.

14 июня. Принимает сторожа за Бисмарка.

4 июля. Разбивает стакан, «чтобы забаррикадировать вход в комнату осколками битого стекла».

9 июля. Прыгает по-козлиному, гримасничает и выпячивает левое плечо»...

Таким видели «великого философа» врачи Базельской психиатрической больницы⁷. Им был понятен фактор «дурной наследственности»: отец Ницше, пастор, покончил жизнь самоубийством. Современная статистика вообще определила: попытки суицида совершаются в семьях самоубийц в шесть раз чаще, чем в среднем в населении. В горах потомственных грехов демоны роют свои норы прекрасно. «Ужасен конец несправедного рода» (Прем. 3, 19).

Одной из бесовских миссий Ницше, как и Шопенгауэра, было – спровоцировать массовые суициды.

Ницше считал себя учеником Шопенгауэра, в семье которого мы также видим несколько поколений душевнобольных. Отец создателя философии пессимизма – самоубийца. Симптомы безумия Шопенгауэра были такими: «Его страхи носили патологический характер. Если ночью поднимался шум, он вставал с постели, хватал шпагу и пистолеты, постоянно заряженные; все деньги и документы прятал в конвертах под фиктивными подписями, а с 1836 г., опасаясь пожара, стал жить в подвалах» [97]. Стоит ли удивляться, что этот безумец во всех религиях видел в первую очередь путь спасения посредством отрицания воли к жизни. Последователи философа даже создали в Берлине в 1880 году секту, которая проповедовала полный отказ от половой жизни ради прекращения человеческого рода. Шопенгауэр считал, что человеческий гений должен быть защищен от враждебного ему «гения рода», который влечет к продолжению «дурной бесконечности» поколений. Шопенгауэр, почитавший за благо непоявление на свет, провозгласил ненависть к женщинам, ибо они не хотят пресечь страдания человечества, не хотят «перестать родить». Рождающая женщина представлялась воплощением самой воли, виновницей всех страданий мира; красота и молодость способных к деторождению женщин казались приманкой, с помощью которой природа «обманывала» и «унижала» человека. Под понятием человек Шопенгауэр подразумевал по преимуществу мужчину, в то время как женщине отводил место животного существа, даже само строение тела которого требует перемещения на четырех конечностях» (Вожди умов и моды. СПб., 2003).

«В начале XX в. среди русских студентов, поклонников этих двух философов, разразилась целая эпидемия самоубийств. Один из таких случаев описан Леонидом Андреевым в его «Рассказе о Сергее Петровиче». При этом автор отмечает, что у его литературного героя, еще до того как он начал изучать философию Ницше, отмечались большие странности в поведении. То есть фактически эта эпидемия суицидов была явлением вполне естественным, если учесть, что накладывали на себя руки люди с психическими расстройствами, которым философы дали удобную формулу для обоснования своего давнего намерения. Кстати, проблема самоубийства вообще остро интересовала Леонида Андреева. Почти все его многочисленные пьесы заканчиваются самоубийством одного из героев, а сам автор однажды бросился под поезд, но случайно уцелел, оказавшись между рельсами» [10].

Мрачные истерико-неврастенические состояния не оставляли Андреева никогда, начиная с самого юного возраста. Состояния меланхолии у него носили тяжелый патологический характер и сопровождались чувством ужаса. Страх перед смертью и перед жизнью никогда

⁷ Макс Нордау поставил Ницше свой диагноз и одновременно раскрыл его, сугубо диавольский метод – из всякой мысли творить перевертыш: «Вот ключ к оригинальности Ницше. Она заключается в том, что Ницше берет разумную мысль и забавляется, как ребенок переворачиванием ее наизнанку... Это объяснение происхождения (оригинальной) нравственной философии Ницше приводит нас к диагнозу, бросающемуся в глаза даже самому близорукому человеку: система Ницше – исчадие мании противоречия, составлявшей буйную форму того же помешательства, меланхолическая форма которого выражается в мании сомнения и отрицания».

не покидал Андреева. Однако страх не только не угнетал его, но иногда становился источником удовольствия. Самыми счастливыми минутами своей жизни он считал те, в которые, находясь в одиночестве в мертвой тишине, переживал неопиcуемый ужас.

Алкоголизм Андреева, видимо, носил характер дипсомании, при которой влечение к спиртному наступает периодически, продолжается некоторое время, а затем бесследно исчезает до нового «припадка».

Андреев, по крайней мере, трижды предпринимал попытку самоубийства. Еще будучи подростком, он бросился под товарный поезд, но упал вдоль рельс, и состав пронесся над ним. В январе 1894 года он стрелял в себя из револьвера. Потом пробовал убить себя ударом ножа в грудь» [16].

И последняя деталь. Леонид Андреев в письме к Максиму Горькому прямо писал о своей нелюбви к Христу и христианству. Смерть застала его за работой над романом «Дневник сатаны».

Да, разрушительное влияние Ницше становилось все более страшным. И оно распространялось на все новые души. Характерна и цитата из письма Мейерхольда Чехову: «Я раздражителен, придирчив, подозрителен, и все считают меня неприятным человеком. А я страдаю и думаю о самоубийстве. Пускай все меня презирают. Мне дорог завет Ницше «*Werde der du bist*» (Будь тем, кто ты есть. – Ю.В.)».

И надо же, какова была ослепленность Ницше, этого безумного сифилитика! Он ведь ратовал за уничтожение всех «неполноценных», можно сказать, был теоретиком эвтаназии. «Больной – паразит общества. В известном состоянии неприлично продолжать жить... Создать новую ответственность, ответственность врача, для всех случаев, где высший интерес к жизни, восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни...» Естественно, себя, лихорадочно записывая эти «озарения», Ницше вырожденцем не считал.

В диавольском мире перевертышей убожество осознает себя уже не только нормой, но и чем-то еще большим, особенным. Озвученная Ницше идея «сверхчеловека» вдохновляла бесноватого Гитлера. Теперь она спроецирована на политику американской сверхдержавы. США, абсолютно безумное государство, считает себя вправе наказывать «страны-изгои». Становится все более очевидным, что рано или поздно этот буйный больной устроит в мировом сумасшедшем доме апокалиптическую бойню.

Кстати, о том, что Третья мировая война будет направлена против мусульманского мира, еще в XIX веке писал «черный папа» франкмасонства Альберт Пайк. В итоге ее ужасов, предрекал он, человечество отшатнется от безверия, революционных идей и получит от нас (масонов высших градусов забесовления) истинный свет Люцифера. Что за «прозорливость»? Да, Пайк также был визионером (якобы сам Люцифер надиктовал ему масонские уставы). И хотя демонам закрыто будущее, пытаться программировать его, паразитируя на человеческом грехе, они могут. Жизнь у этого адского рогатого скота долгая – до Второго Пришествия, – так что реализовывать столь долгосрочные планы часто им удается...

Наверно, когда-нибудь осуществится и то, чего требовало диавольское сумасшествие Ницше, – вести летоисчисление от рождения Антихриста... Но недолго будет длиться эта эра.

Слепые и зрячие

Всякое бесовское прозрение слепо. Характерны последние слова очерка Цвейга об умирающем Ницше: «И потом где-то в комнате, в незнакомом месте, где вечный мрак, вечный мрак. Нет больше солнца, нет больше света, ни здесь, нигде. Где-то внизу голоса людей. Вот женщина – может быть, сестра? Но ведь она далеко... навсегда. Она читает ему книгу... Книгу? Разве сам он не писал книг? Кто-то ласково отвечает ему. Но он уже не понимает слов. Тот, в чьей душе отшумел такой ураган, навеки глух для человеческой речи. Тот, кто так глубоко заглянул в глаза демону, ослеплен навеки».

Так же ослепшим скончался и Булгаков. Наверно, он на самом деле заглянул в дьявольские глаза. Один – зеленый, с бесовской искоркой на дне. Другой – беспросветно черный... Очень достоверный портрет! Это потому что автор демона видел, а Бога нет.

Бог умер? Но только в сердце Ницше и ему подобных. А без Христа, как писал Иустин Попович, мир – это «большой космический сумасшедший дом». Злыми санитарами в нем служат демоны. В том числе – воспетый Ницше Дионис, который «считался у эллинов богом, наблюдающим за пьянством и сам упивающийся и сумасшедший» [63].

Да, «пьяный бес» может до поры до времени помогать в творчестве. В 70-е годы прошлого века я был знаком в Ленинграде с одним крупным изобретателем, использовавшим весьма своеобразный метод. Сначала он четко формулировал задачу, которую не мог решить собственными силами, а потом напивался «до чертиков». В этом состоянии приходил ответ. Госкомизобретений выдавал этому человеку, не имевшему высшего образования, очередное авторское свидетельство со многими нулями в номере, что означало уникальное, пионерное по своему характеру решение. Будучи завзятым материалистом, этот мой знакомый даже не желал задумываться, что с ним происходило в момент «озарения». А жаль. Может быть, в противном случае он не сошел бы с ума.

Описанный метод – не уникален. Вот – о знаменитом немецком сказочнике и музыканте: «На протяжении всей своей жизни Гофман страдал депрессиями, испытывал яркие разнообразные галлюцинации и злоупотреблял алкоголем в очень больших дозах. Интересно отметить, что алкоголизм писателя стимулировал его, а после приема алкогольных напитков он творил с большим подъемом и продуктивностью, причем продуктивность эта проявлялась не на высоте опьянения, а на следующий день – в состоянии похмелья» [10]. (То же было и у Эдгара По.) Именно в таком состоянии inferнальный мир, помогая его творчеству, показывал такие ужасы, что Гофман, работавший часто по ночам, в страхе будил жену.

О связи беса пьянства и живописного творчества один психиатр писал: «Один из наших пациентов – известный художник 80-х годов, считавший себя одним из искателей истины, – говорил автору следующее: «Если я выпил мало водки – я мужчина, много водки выпил – я художник... Водка унижает... она отшибает твою персональную гордыню. Когда ты пьян как свинья, пьян до умопомрачения – ты самоуничтожился, тебя как бы нет, твоей кистью водит кто-то другой» [20].

Св. Григорий Палама писал: безбожный ум становится скотским или бесовским. Вот и современные богословы говорят о том же самом [81]. О создании бесочеловека, в котором происходит соединение двух волей – собственной и демонической. Глаза такого существа начинают видеть мир иначе, чем наши. Слух – словно настраивается на другую волну. Осужденный за страшные преступления сатанист, с которым беседует в центре Судебной психиатрии имени Сербского профессор Ф. В. Кондратьев, самым фактом своего существования подтверждает сказанное.

Сатанист Н. рассказывает о своем видении: «Я стоял на коленях. Два ангела держали меня. Передо мной был дьявол. В руках у него – двузубец. Он сказал: я дам тебе все, только

лишу тебя глаз. Согласен? Я ответил: нет... Только потом я понял, что он хотел лишить меня глаз не в прямом смысле. Он хотел изменить мое мировоззрение. Изменить взгляд на мир.

Теперь я стараюсь поменяться сам. Стать как бы демоном, чтобы во мне не осталось ничего доброго, только зло. Только зло, зло, зло... Человеческие качества должны исчезнуть».

В интонациях Н. нет ни малейшей экзальтации. Он спокоен, как будто лекцию читает непонятливым ученикам. Тема этой «лекции» знаменательна. Если православный стремится в идеале обожиться, то сатанист – забесовиться.

Лишить себя прежнего, человеческого зренья – на это рассчитаны многие оккультные практики. Например, масонские. На глаза посвящаемому надевается черная повязка, а когда, после ритуальных «испытаний», ее снимают, неопит видит мир уже иначе... Когда умирал один из масонских классиков, знаменитый архитектор Баженов, он ослеп и все кричал: «Снимите с меня повязку!» Но поздно. Повязка, которую в ходе инициации надевали и Михаилу Булгакову, лишает сердечного, духовного зренья навсегда⁸.

⁸ Антропология духовного зренья вот в чем. «Ум человеческий, – пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), – не в состоянии отличить добро от зла; замаскированное зло почти всегда обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющиеся его злыми помыслами имеют более чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу – его дело». То же и у Григория Паламы: «Мы точно знаем, что наша мыслительная способность находится в сердце, как в органе; мы научились этому не от человека, но от Самого Создавшего человека, Который говорит в Евангелии: от сердца исходят помышления» (Мр. 7, 21).

Без глаз

Что, людей действительно испортил «квартирный вопрос»? Воланд не сказал главного: души людей – дворцы Божии – превратились в бесовские коммуналки.

Вас еще не удивило обилие одержимых знаменитостей? Как над ними (многие ведь были христианами) лукавый заимел такую власть?

При крещении священник произносит слова, обращенные к Господу: «Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его». Феофан Затворник пишет, что до крещения демон находится в сердце человека, а после крещения действует на него извне, так как в глубину сердца вселяется благодать. Только по особым заслугам грешника перед демоном Бог попускает вновь войти ему внутрь.

В печальном списке «замечательных людей» мы перечисляем только таких, только явно бесноватых. Но сколько еще несчастных позволяет бесам действительно влиять на себя со стороны! Тех, кто попадает в мистическую ситуацию, о которой преп. Иустин Попович пишет: «... некие невидимые силы, желанные или нет, тайно и искусно внедряются в мир человеческих мыслей, ощущений, желаний, намерений, соучаствуют с ними незаметным образом, сотрудничают при создании философии и этики...» Впрочем, бесы могут явиться и во плоти.

...Живописец никак не мог изобразить Христа. В конце концов, поместил его в глубь картины, где Спаситель кажется отдаленным. Где как бы не видна неспособность художника сделать то, что под силу настоящему иконописцу. О, лукавый закон перспективы! Это закон кажимости. Удаленный предмет ведь только представляется маленьким, не являясь таковым на самом деле. На иконе подобного обмана не увидишь.

Какова история картины «Явление Христа народу»? Александр Иванов, который отказался ради своей работы от женитьбы и личного счастья, который провел двадцать лет жизни в подвижничестве и, фактически в затворе, почти закончив грандиозную картину, засомневался. Он прочитал книжку Штрауса «Жизнь Иисуса» – богоборческую масонскую галиматью – и, покинув Италию, поехал в Лондон. К Герцену. Неизвестно, что наговорил художнику этот умник, но произошла катастрофа. Пораженный услышанным, Иванов вернулся в Петербург, где ровно через шесть недель умер. От холеры... Или Господь прибрал его, чтобы с душой несчастного не случилось чего хуже? А в юности, приступая к эскизам будущего произведения, он мечтал создать такую живопись, от взгляда на которую люди будут становиться добрее, лучше, придут к Богу...

Но, конечно, в первую очередь бесовские воздействия очевидны в творчестве живописцев такой страшной судьбы, как, например, у Ван Гога. Представляете, сначала хотел зарезать обожаемого Гогена и зарезаться сам! Вместо этого отсек свое ухо, завернул его в тряпочку и отнес в публичный дом – в подарок любовнице. Вскоре появился автопортрет – с перебинтованной головой и безумным взором. Кстати, его первые припадки буйного помешательства вызывались видом храма.

В клинике для душевнобольных, расположенной в монастыре, где за несчастным художником ухаживают монахини, его доводят до очередного припадка молитвы сестер, мучают звуки колокольного звона. В конце концов, сумасшедший находит способ достать револьвер и стреляет в себя. От смертельной раны Ван Гог умирает через три дня. Гроб с телом стоит на бильярдном столе, и никому не приходит в голову вызвать священника... Вскоре после смерти полунищего самоубийцы его картины начинают стремительно раскупаться и расти в цене.

Судьба неудавшегося компаньона Ван Гога – Гогена складывалась и вовсе по-фаустовски. До тридцати пяти лет он был финансистом, отцом пятерых детей и вел размеренную

жизнь добропорядочного французского буржуа. И вдруг осознал, что устал от всех обязательств, от рутины повседневности. Он хочет от жизни – праздника, новых радостей, нового увлечения – живописью, новой любви, славы и счастья. Человек, никогда – ни в детстве, ни в юности – не проявлявший склонности к рисованию, неожиданно бросает ради занятий живописью абсолютно все. Становится словно одержимым. И внезапно меняется.словно в прежнюю телесную оболочку вселяется иная личность. В письме жене он пишет: «Я просто очерствел, и все происшедшее вызывает во мне лишь отвращение. Мне уже безразлично, что дети меня забывают. К тому же я не вижу никакой возможности когда-либо с ними увидеться, и дай Бог (в оригинале – с маленькой буквы. – *Авт.*), чтобы мы все умерли».

И еще: «Тебе следует помнить, что во мне сочетаются две натуры: индеец и чувствительный человек. Чувствительность развеялась, что дает возможность индейцу идти совершенно прямо и твердо». Этот «индеец» ведет ко все более животной жизни: «Животное начало, которое в нас, вовсе не заслуживает такого презрения, как это принято считать».

Поиски земного рая привели Гогена на острова Океании. Здесь – сожителство с тринадцатилетней дикаркой, с которой не связывает ничего, кроме «свободной телесной любви, подлинной страсти животной плоти». А потом – все та же смерть в отчаянии и забвении. И снова – шутка диавола. Полотна нищего художника, скорее напоминающие произведения туземного прикладного искусства, становятся баснословно дорогими.

Один из последователей Гогена – Модильяни – тоже увлекался экзотикой. Он был покорен изысканной грациозностью африканских статуэток маконда. Портреты его современников удивительно похожи на очертания этих черных божков. Но главное их отличие – мертвые глаза. Почти всегда – сплошь залитые единым цветом, без глазного яблока, без зрачка. Такие бывают у разлагающихся трупов. Столь страшные, неживые, вытекающие глаза запомнились многим из тех, кто побывал в состоянии клинической смерти за чертой нашего мира. Такова печать какого-то особого опыта Модильяни. Здесь словно диавол поиздевался: показал, что многие из окружавших портретиста персонажей – духовно уже мертвы. Что они ничего не видят.

Художника, кстати, при жизни также не признавали. Никто не хотел покупать его полотна. Он голодал, побирался. Все, что добывал, немедленно тратил на алкоголь и наркотики. Модильяни убил себя совсем молодым. И опять – посмертная, неслыханная слава, безумные цены на все, к чему прикасалась рука нищего страдальца. Небрежные почеркушки на салфетках кафе «Ротонда» продолжают дорожать и поныне. Состоятельные люди вкладывают деньги в обрывки расползающейся бумаги, где дрогнувшей – то ли от голода, то ли от бреда – рукой проведена порой всего лишь одна кривая линия.

А разве не странным был Сальвадор Дали? Он как-то сказал: «Единственная разница между мной и сумасшедшими – это то, что я не сумасшедший». Однако, судя по картинам, – не скажешь...

И о Босхе – тоже. О чем говорят они, эти чудовища с рыбьими головами, хвостами, копытами и свиными рылами? Великий фламандец, в отличие от своих итальянских коллег, не резал мертвые тела, изучая строение мышц и костей. Зато он узнал нечто о том, что скрыто не плотью, а гораздо более таинственным покровом. Он видел мир злых бесплотных духов и показал их нам с такой силой достоверности, что картины эти – эсхатология в красках.

То же – кошмары Гойи. Очень часто где-то на обратной стороне своего полотна, чтобы не бросалось в глаза, он писал тому, кто все равно обязательно прочтет: «Глотай, собака!» Наверно, по-русски, это «трогалло, перро!» точнее было бы перевести так: «Подавись, сатана!» Черный пудель! Тот самый, что изображен на трости Воланда. Он – тут как тут!

Кстати, иногда все это безумие сказывалось на творчестве художников не столь явно, но не менее разрушительно. В свое время Бердяев подметил: «Ныне живопись переживает небывалый еще кризис. Если глубже вникнуть в этот кризис, то его нельзя понять иначе

как дематериализацию, развоплощение... Начинается процесс проникновения живописи за грань материального плана бытия...

Уже у Врубеля началось жуткое распыление физического тела. У Пикассо колеблется граница изображаемых предметов, те же симптомы и у футуристов». Откуда эта зыбкость, эта вибрация миража? Откуда передается этот тремор? От кого эта трясучка рук? Как будто от того, кто с огромным усилием поддерживает свое собственное пребывание в устойчивом бытии. Словно демон, с трудом удерживающий перед глазами художника относительно стабильную и похожую на правду картинку, дрожит от изнеможения.

Вот еще один очень знаковый случай: «... это случай с Луисом Гаспарету из Бразилии, чей отец был спиритом. В Луиса, когда ему было 13 лет, «вселились» души 44 художников из прошлого – от Да Винчи до Пикассо. Он может за 5 минут нарисовать нечто похожее на работы этих известных художников. Когда дух входит в него, Луис весь дрожит и корчится, совершенно теряя понимание окружающего мира. Он может рисовать только в темноте. Демоны для рисования используют обе руки и даже правую ногу этого страдальца...» [55].

Однажды я брал интервью у известного психиатра Ф. В. Кондратьева. Обратил внимание на жутковатые полотна, которыми увешаны стены его кабинета в психиатрическом Центре имени Сербского. Оказалось, написаны они лечившимися здесь художниками. Вот девочка с косичками, подобрав платьице, идет по гробам. Идет прямо в пасть огромному чудищу с как бы незрячими, без зрачков, медными глазами... А вот – удивительное дерево. Растут на нем глаза. Они смотрят на тебя отовсюду...

Пораженные духовно художники действительно видят все это. И заставляют видеть нас. Этот феномен поясняет рассказ из жития Макария Египетского о женщине, в которой все видели животное. Старец сказал своим ученикам: «Вы смотрите не своими глазами... она не превратилась в лошадь, а только глазами обольщенных кажется такою». В этой связи такую историю рассказал мне профессор Ф. Кондратьев: «С одним моим знакомым произошло несчастье. Он попал в психиатрическую клинику, где я проводывал его. Однажды мы беседовали, и он иногда осенял себя крестным знамением. А потом позвонил мне и сказал: ты ничего не заметил? Обратил внимание, что я крестился? Когда мы разговаривали, ко мне приближался голос и говорил: «Выколи ему двумя пальцами глаза». И я тут же крестился. Он сразу отступал».

Какова символика момента! Бес науськивал именно выколоть глаза. Не нравится лукавому взгляд православного ученого... А демонический мир ведь уже изменил мировоззрение миллионов.

На то, чтобы лишить человека привычного взгляда на мир нацелены многие оккультные практики. В жизни сатаниста Н. произошло так называемое самопосвящение. Однажды его родной дедушка дал ему почитать «Черную библию» Антона Лавэя. И после этого – началось.

Н.: «Ночью между двумя и тремя часами – я проснулся покурить. Чувствую, что кто-то стоит перед кроватью. Мужчина – а глаз у него нет, вместо них горит красный огонь. Он назвал цифровой код. В первый раз мне стало страшно. И я закричал...»

Врубель: кто там, в сирени?

В начале 60-х годов прошлого века в Киеве произошла катастрофа, о которой советские газеты, естественно, не писали... О том страшном, сошедшем с горы селе ходили только слухи. Говорили, будто ожил кошмар Бабьего Яра. Жидкая грязь из гигантского оврага, набитого во время войны трупами евреев, пленных, раненых, душевнобольных, вырвалась наружу и лавиной обрушилась на Лукьяновку. Ветхие домишки поток разносил в прах, серьезно пострадали даже капитальные строения.

Находившуюся в том районе Кирилловскую церковь, шедевр XII века, на многие годы закрыли для посещений. Кстати, в 1880-е годы для росписи ее стен и реставрации иконостаса был приглашен недавний выпускник Петербургской Академии художеств Михаил Александрович Врубель.

Вы помните эти расширенные в немом отчаянии огромные глаза Богородицы, написанной тогда Врубелем? Глаза, наполненные таким страданием, забыть нельзя... Какая-то непонятная и странная связь сложилась: Бабий Яр – Лукьяновка – человеческие жертвы – трагические глаза, написанные знаменитым живописцем.

После росписей Кирилловской церкви художник творил лишь немногим более десяти лет. По сути, следующее десятилетие он уже мучительно умирал в сумасшедшем доме.

В своих письмах сестре Врубель часто пишет, что ощущает себя «душевной призмой». И он действительно говорит своим искусством как бы не от себя лично, а через себя – от кого-то. На холстах отражен мир его видений, для остальных людей незримый. И эти огромные глаза... Не совсем земные, не очень человеческие. Они смотрят отовсюду – из призрачного цветка азалии, из плотно цветущего куста сирени, возникают то в облаках, то в пене морского прибоя.

А вот и знакомые нам персонажи – Фауст, Мефистофель, Маргарита. Эти росписи должны были украшать так называемый готический кабинет в доме Морозова в Москве. Потом тот же сюжет заказал для своего кабинета и Мамонтов... Он и сам, видимо, никак не мог понять, что не устраивало его в созданном панно. Меценат снова и снова заставляет художника переделать его. А как переделать? Недаром же говорится в народе и повторяется Гоголем: «Как черта не малой...»

«Демон поверженный» распростерт среди холодных и мертвых скал. Кажется, жива лишь его безмерная гордыня... Наверно, сам Врубель догадывался, что с ним происходит. За душу художника, начинавшего свой творческий путь с церковных росписей и икон, битва шла жесточайшая. Может быть, даже безумие последних лет было для него более спасительно, чем дальнейший сознательный путь к демонизму.

...Гадалка, Царевна-Лебедь, козлоногий Пан и снова – демоны, демоны, демоны! У всех такие же прозрачные, огромные и скорбные глаза, нездешний взгляд... А вот рисунок «Бессонница». Среди скомканных простыней проступает чье-то лицо... пугающее своей неземной красотой и опять же – громадностью очей. Этот врубелевский взгляд так же узнаваем, как и вытекшие глазницы на картинах Модильяни. И те и другие – результат какого-то страшного контакта. Слово печать: «Был на бале у Сатаны. Уплочено»...

Первые серьезные симптомы болезни обнаружили у Врубеля весной 1902 года. Сразу после работы над «Демоном поверженным». Живое лицо демона стало являться художнику во сне. Врубель вступал в разговоры с этим посетителем. Что это было? Образ психической болезни? Или – незримое, но вполне личностное начало, вторгшееся в его жизнь? Врубель переписывал картину прямо на выставке, и публика могла видеть, с каким мучением на лице он приступал к работе.

Узнав о некоторых аномалиях в поведении Врубеля (рассказывал друзьям о смерти здравствующего отца и принимал пожертвования на похороны), знаменитый профессор Сикорский спросил его близких знакомых:

– А не замечали ль вы раньше какие-нибудь странности в его поступках?

Услышав о нарочно раскрашенном зеленой краской носе и о его объяснении такого необычного поступка, Сикорский задумался, а потом сказал:

– Да. Это весьма опасные признаки надвигающегося на вашего товарища безумия...»

В воспоминаниях Ильи Глазунова читаем, как он познакомился с росписями Врубеля в киевском Кирилловом монастыре. В то время там была психиатрическая лечебница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.